

УДК 82-311.4

ПЕТЕРБУРГ К. ФЕДИНА

Филиппова Ю.Г.

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная консерватория (академия) им. Л.В. Собинова», Саратов, Россия (410012, Саратов, просп. им. Кирова С.М., 1), e-mail: sgk@freeline.ru

На примере героев романов Константина Федина «Города и годы» и «Братья» под новым ракурсом рассматриваются драматические повороты судеб петербургской интеллигенции, поневоле втянутой в событийно-психологический водоворот коренного исторического перелома, от начала Первой мировой войны до окончания войны Гражданской. В ходе повествования Северная столица предстаёт в роли кузницы нового общественного порядка, подминающей под себя так называемых бывших, вдруг оказавшихся один на один с окружающей действительностью. Попытки героев найти свое место в буреломе событий войн и революции заканчиваются полным крахом либо безысходным смирением. Автор пунктирно проводит параллель с пушкинским шедевром «Медный всадник», выводящим на первый план проблему «маленького человека», обнаруживает концепционную близость к роману А. Толстого «Хождение по мукам» и диалогии лучших отечественных симфоний тех лет – Пятой и Шестой Н. Мясковского.

Ключевые слова: драматические коллизии, судьбы интеллигенции, коренной исторический перелом, Петербург – Петроград – Ленинград, метафоричность, параллели, реалистичная проза.

PETERSBURG K. FEDIN

Filippova Y.G.

Saratov state Conservatoire (Academy) n.a. L.V. Sobinov, Saratov, Russia (410012, Saratov, Kirov S.M. avenue, 1), sgk@freeline.ru

On the example of heroes of novels of Konstantin Fedin "The cities and years" and "Brothers" under a new angle are considered drama turns of destinies of the Petersburg intellectuals necessarily involved in event - psychological whirlpool of fundamental historic breakthrough, from World War I beginning before the end of war Civil. During a narration the Northern capital appears as the smithy of a new public order crushing under, so-called, "former", suddenly appeared in private with surrounding reality. Attempts of heroes to find the place in a windbreak of events of war and revolution come to an end with full breakdown, or hopeless humility. The author refer to the draws a parallel with the Pushkin masterpiece "Bronze Horseman" bringing to the forefront a problem "the small person", finds conception proximity to A. Tolstoy's novel "Purgatory" and dilogies of the best domestic symphonies of those years – the Heel and the Sixth N. Myaskovsky.

Keywords: drama collisions, destinies of the intellectuals, fundamental historic breakthrough, Petersburg – Petrograd – Leningrad, metaphoricalness, parallels, realistic prose.

Как известно, наиболее резкий разворот мира от классико-романтической эпохи к современности происходил на отрезке от начала Первой мировой войны до окончания Гражданской войны в России. Именно этот отрезок определяет временные рамки повествования в романе Константина *Федина* «Города и годы» (1924). В нём до известной степени как в сгустке представлен событийно-психологический узел происходившего на том этапе, причём происходившего на территории двух стран, находившихся в самом центре исторического процесса – России и Германии.

«Города и годы» – первый и, пожалуй, лучший роман Федина. В нём писатель поднялся до предельно высокого уровня современной художественной прозы, одним из свидетельств чего является его издание во многих странах мира. Достигнутый уровень становится показателем несомненной убедительности отображения представленной здесь реальности и побуж-

дает довериться слову и мысли писателя. Будучи одним из самых примечательных произведений русской литературы этого времени, оно обнаруживает концепционную близость к роману А.Н. Толстого «Хождение по мукам» и дилогии лучших отечественных симфоний тех лет – Пятой и Шестой Н. Мясковского. Общая для них центральная тема – судьбы интеллигенции в ситуации коренного исторического перелома начала XX столетия.

Бурный водоворот событий, кардинально меняющих всё и вся в этом мире, и напряжённые искания личности, которая, словно щепка, мечется в этом водовороте, – вот что повлекло за собой усложнённую композицию романа, в котором действие лишено хронологической последовательности, а сюжетные линии обрываются и вновь всплывают на поверхность. На эту «изломанность» профиля повествования своё воздействие оказали и модернистские увлечения начала XX века, с характерным для этого периода стремлением к художественному эксперименту, так что и по своему внешнему облику роман Федина весьма отвечал духу времени.

В написанном много позднее послесловии к своему первому роману автор констатировал в отношении главного героя: *«смятение духа Андрея Старцова, нашедшее отражение в “смятенной” концепции романа»*. Через его фигуру был запечатлён сложный комплекс столь свойственных переломной эпохе человеческих исканий, прозрений, заблуждений и мучительных раздумий в столкновении с необходимостью социально-нравственного выбора.

Ведущей темой романа становится судьба интеллигента, заплутавшегося в бурном водовороте «страшных лет России» – России Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. В этом историческом водовороте прочное место могут найти только фанатики, которые вплавляют свою судьбу в магистраль всеобщего жизненного потока. Колеблющиеся, неуверенные, сомневающиеся, подобные Андрею Старцову, при всех их человеческих достоинствах, обречены быть смятыми этим потоком.

Именно такой – смятой, уничтоженной, отброшенной прочь оказывается единичная человеческая судьба, олицетворяемая образом главного героя. Смятой и перекорёженной в мясорубке и кипящей лаве этого времени. Один из «бывших», действительный статский советник, как-то говорит Андрею: *«Теперь всё полетело к чёрту в пузо. Всё! Мы теперь с вами – кашлица в утробе какого-то дьявола»*.

Симптоматичен трагический финиш жизни главного героя, который автор связывает с городом на Неве как горнилом нового жизненного порядка. Это тот город, который унаследован от самых мрачных страниц русской литературы, что дополнительно умножено голодом и разрухой революционного лихолетья. Исходная глава романа начинается на той абсурдно-нелепой ноте, которая может привести читателя в замешательство. Насколько можно понять по первым страницам, главный герой, высунувшись из окна, обращается к соседям с

речью, по поводу которой его хозяйка констатирует: *«Я давно думала, что он помешался!»* Отдельные фразы этой речи говорят о состоянии персонажа.

– ... *меня грызёт тоска, почтенные граждане, сердце моё сохлось и свернулось штопором, как лимонная корка на раскалённой солнцем мостовой.*

Из этой же речи можно понять, что дело происходит именно в Петербурге: *«Теперь белые ночи, и в нашем колодеце...»* Слово *колодец* повторяется затем дважды, и когда здесь же находим упоминание о *«каменной коробке смежных домов»*, мы понимаем, что речь идёт о столь характерной для Петербурга невероятно скученной многоэтажной застройке, напоминающей глухие, тёмные, сырые колодцы, подавляющие отсутствием солнечного света и малейшего намёка на какой-либо ландшафт.

Глава, названная первой и повествующая о девятьсот девятнадцатом, открывается разделом под названием *«Петербург»*. Город, который за видимостью роскошных проспектов и набережных всегда отличался каменной бесприютностью «нутра», с особой очевидностью предстал в этом своём качестве в первые послеоктябрьские годы, годы *«нового летоисчисления»*, как помечает это автор.

На третий год нового летоисчисления, в конце октября, над Петербургом висела тьма. С северо-запада гнал тьму со свистом и гулом мокрый, косоплечий ветер.

Петербург шелушился железной шелухой, и шелуха со звоном билась по крышам и падала, скрежеща, на каменные днища улиц.

Внизу было темно, как в туннелях.

Дома вымерли, дома провалились, домов не было. Пересекались, тянулись во тьме безглазые, мокрые бока туннелей.

И по мокрому, безглазым бокам туннелей и по каменным днищам их с визгом и звоном неслась железная шелуха. Косыми плечами мял ветер каменный город, сдирал ошмётками сношенную кожу, швырял её в промозглую тьму.

И Федин рассказывает о жителях этого города, которым приходится провести *«долгую жизнь без неба, без прямых, широкогрудых ветров, вырасти в сомкнутом строю железных столбов, провести детство на чугуне лестниц и асфальте мостовых»*. Именно в этом городе Андрей Старцов окончательно не выдерживает потрясений судьбы и впадает в помешательство, когда немецкая девушка, которую он так любил, приезжает в Петроград и, убедившись в его измене (он невольно оказался женатым на другой), бежит прочь, а несколько погодя приходит письмо из Германии от того немца-врага, которого он спас от возмездия революции (в письме сообщаются подробности, приводящие Андрея в ужас). Старцев бежит прочь из дому, как когда-то бежал обезумевший пушкинский Евгений *«Медного всадника»*.

Всклокоченный, измятый, он замедлил свой отчаянный бег только на окраине города. Кругом него лежали пустыри, засыпанные отбросами и кирпичом. Шёл мелкий дождь, сгущая и холодя вечерний сумрак. В каменном остове разрушенной постройки, как зверь в клетке, покачивался ветер.

Делая местом развязки невские берега, а её временем вечерние сумерки, и до предела сгущая экспрессию, писатель рисует картину кошмара, окружившего Андрея.

Его поглотили беззвучная громада амбаров, элеваторов, вышек и башен. Он углублялся в город костенеющих, мёртвых небоскрёбов.

Вдруг что-то серое пересекло ему дорогу и провалилось в землю. Один за другим скользнули через дорогу серые комочки. Вот что-то ткнулось об его сапог и откатилось в сторону. Вот он наступил на что-то мягкое, как тряпка, и короткий визг резнул по его ушам. Он замедлил шаг, потому что начал натекаться на податливые препятствия, рассыпанные по всей дороге. Он остановился, потому что пронзительные визги, раздававшиеся с каждым его шагом, заострились до свиста.

Он стоял посередине улицы из подпиравших чёрное небо амбаров. Он стоял по щиколотки в какой-то массе, крутыми волнами перекатывавшейся через дорогу и тяжело омывавшей его ноги. Он смотрел на мутно-серые гребешки этих волн, и они казались ему покатыми спинками каких-то бесчисленных гадких зверьков.

Андрей рванулся и побежал к городу. Но улицы завели его опять на пустыри. Он оступился в глубокую рытвину, упал, стал выкарабкиваться и скатываться назад в яму. Наконец, с воплем выскочил из ямы и кинулся в ночь, крича:

– Помогите, по-мо-ги-ите!..

И в ночи, по щебню, по рытвинам, по бесконечным пустырям метался, как безумный, ища путей. Но кругом него лежали пустыри, над ним висело чёрное небо, и не было человеческого жилья, и не было путей.

Разумеется, эта финальная сцена во многом метафорична. Та трудная судьба, которая выпала на долю главного героя, его попытки найти своё место в буреломе событий войн и революции, заканчиваются печальным крушением. Ночная темь, рытвины и ямы петербургской окраины, кишасящие крысами зловещие пустыри – такова нелюбимая картина времени, не имеющая ничего общего с пафосом утверждавшегося «светлого царства коммунизма».

В своём следующем романе «**Братья**» (1928) Федин вновь рассказывает главным образом о судьбах интеллигенции примерно в те же трудные, переломные годы: перед революцией и Гражданской войной, в их время и в ближайший период после них. Он вновь обнаруживает прочное, но ещё более широкое знание жизни в различных её пластах и ипостасях – в

российской глубинке и столице, в среде интеллигенции и в низовых слоях. Однако на этот раз он только изредка позволяет себе выходы в романтически заострённый показ дебрей сознания и психологических «темнот». Здесь он ориентирован на безусловно реалистическую прозу с достаточно последовательным изложением событийной канвы и крепко сцепленными людскими судьбами.

В центре жизненной драмы – семья Каревых: отец (заволжский промышленник) и три брата: пользующийся широким признанием в «северной столице» профессор-медик Матвей, мучительно ищущий своего пути музыкант Никита, лихой вояка Ростислав. Рядом с ними множество колоритных фигур, основные из них – матрос-большевик Родион и «роковая женщина» Варвара, непредсказуемая, обольстительная (в некотором роде близка Настасье Филипповне из «Идиота» Достоевского).

Главное лицо – Никита. Он особенно притягателен для автора и потому, что находится в разладе с окружающей жизнью, и потому, что олицетворяет неизбежно сложные искания творца искусства (не случаен жанровый подзаголовок этого произведения: *роман-симфония*). Федин хорошо сознаёт, что с точки зрения всеобщего бытия это только пылинка, но в этой пылинке отражается вся вселенная жизни. Он показывает реальность с учётом победы большевизма, но в равной мере отмечая плюсы и минусы как предреволюционной, так и послереволюционной жизни. То и другое он описывает без малейшего энтузиазма, а перипетии судьбы главного героя, Никиты Карева, отнюдь не приводят к какому-либо завершающему высветлению. Роман заканчивается только констатацией необходимости примирения с жизнью и своей судьбой. «*Пусть так*» – эта последняя фраза повествования звучит для Никиты, обречённого на одиночество, как смысловой синоним тривиальной истины: приходится жить, надо жить, другого естественного выхода для человека нет.

Тем не менее эта нота знаменовала отход от трагического мировосприятия, характерного для предыдущей книги, из чего можно сделать вывод, что русская интеллигенция после октябрьских лет постепенно обретала своё место в резко изменившихся условиях существования. И именно к безвозвратно уходящему прошлому относится эпитафия произведения, взятый из Байрона: «*Прощай, прощай, и если навсегда, то навсегда прощай!*».

Другой роман, другое мироотношение и другой Петербург–Петроград–Ленинград. Здесь в облике этого города отступают подавляющий мрак и каменная неприютность, в известной мере возвращаются «респект» и фешенебельность. И уже на третьей странице книги мы сквозь всю ироничность автора прочитываем уверенно пророческое.

Давно ли потеряли мы в переулках нашей памяти – так легко, словно обронили на проспекте перевязанную шпагатиком покупочку, – окаменело возвышенный облик Петербурга? Грозные мятежные и смятенные годы счесали с Петербурга завитушки, пуговицы,

папильотки, бантики, и город предстал перед нами в суровой своей нагоде. Поблѣкло, омертвилось великолепие фасадов, застыли обмороженными пальцами недвижные краны верфей, гавани, порта, и люди, скрюченные холодом, торопились оголить окоченелый город там, где он был ещё прикрыт.

Но нет такого испытания, нет запрета, которые поколебали бы людскую веру в воскресение, и люди верили, что город воскреснет, и – каждому по вере его – город воскрес. Он зашевелил окоченелыми пальцами, со ржавым свистом повернулись краны верфей, он начал дышать, и редкой испаринкой отделились от него дымки и поплыли в рассвет.

И вот уже изо всех щѣлочек, скважин и трещин, с василеостровских задворок, величественных своими фасадами, лопухами и крапивой, с молочнобидонной, сыроварной Охты, из деревянного Лесного, из подворотен дворцов и разбитых окошек Рот – отовсюду полз, повыполз, посочился старомодный, недавно упразднённый Петербург.

Список литературы

1. Гуськов Н.А. К вопросу о природе конфликта К.А. Федина «Города и годы» / Из истории русской литературы XX века (Петербургский текст. Вып. 2). - СПб., 2003. - С. 112-137.
2. Кузнецов М.М. Романы Константина Федина. - 2-е изд. – М. : Худож. лит., 1980. – 158 с.
3. Кузнецов Н.И. К.А. Федин — художник: проблемы метода и стиля. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1980. – 276 с.
4. Оклянский Ю.М. Федин. – М.: Мол. гвардия, 1986. – 350 с.
5. Старков А.Н. Герои и годы: романы К. Федина. – М. : Сов. Писатель, 1972. – 288 с.
6. Старков А.Н. Ступени мастерства: очерки творчества К. Федина. – М. : Сов. писатель, 1985. – 335 с.

Рецензенты:

Консон Г.Р., доктор искусствоведения, профессор, декан факультета мировой музыкальной культуры ФГБОУ ВПО «Государственная классическая академия имени Маймонида», г. Москва.

Волкова П.С., доктор искусствоведения, профессор кафедры социологии и культурологии ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», г. Краснодар.